

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Проблемы современного общества и экономики

Научная статья

УДК 94(470)+39+32.001

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520

EDN: XSDEUJ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

**Светлана Султановна Апажева¹, Елена Аниуаровна Нальчикова²,
Мадина Руслановна Заходова³**

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ svetlana.apajeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

² elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

³ madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

Аннотация. В статье исследуется воздействие актуальных политических вызовов на этнополитическую динамику в Кабардино-Балкарской Республике (КБР). На основе междисциплинарного анализа обосновывается тезис о том, что современные вызовы выполняют функцию катализатора, актуализируя глубинные, латентные противоречия социально-экономического и исторического характера. Центральным аргументом работы является утверждение, что долгосрочная стабильность полигэтнического региона зависит от способности институтов власти трансформировать эти вызовы в легальный политический процесс, предлагая справедливые и адресные решения. Несмотря на общую нормализацию ситуации на Северном Кавказе после 2010-х гг., сохраняющиеся структурные проблемы создают перманентный риск перевода локальных конфликтов в этническую плоскость. КБР, с её уникальной моделью «сбалансированного представительства», рассматривается как ключевой кейс для изучения данного противоречия между внешней стабильностью и внутренней конфликтогенностью.

Ключевые слова: этнополитические процессы, национальная политика, межнациональные отношения, Кабардино-Балкария, Северный Кавказ, идентичность современной молодежи.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 38), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Заходова М.Р. Этнополитическая стабильность Кабардино-Балкарии перед лицом современных политических вызовов // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 502-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520. EDN: XSDEUJ.

© Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Заходова М.Р., 2025

Original article

ETHNO-POLITICAL STABILITY OF KABARDINO-BALKARIA IN THE FACE OF MODERN POLITICAL CHALLENGES

Svetlana S. Apazheva¹, Elena A. Nalchikova², Madina R. Zakhokhova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,

Russia

¹ svetlana.apageva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

² elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

³ madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

Abstract. This article examines the impact of current political challenges on ethnopolitical dynamics in the Kabardino-Balkarian Republic (KBR). Based on an interdisciplinary analysis, it substantiates the thesis that contemporary challenges act as a catalyst, bringing to light deep, latent socio-economic and historical contradictions. The central argument of the paper is that the long-term stability of a multi-ethnic region depends on the ability of government institutions to transform these challenges into a legitimate political process, offering fair and targeted solutions. Despite the general normalization of the situation in the North Caucasus after the 2010s, persistent structural problems create a permanent risk of local conflicts escalating into ethnic conflicts. The KBR, with its unique model of "balanced representation," is considered a key case for studying this contradiction between external stability and internal conflict potential.

Key words: ethnopolitical processes, national policy, interethnic relations, Kabardino-Balkaria, North Caucasus, identity of modern youth.

Acknowledgments and funding: The study was funded by the KBGU Internal Grant (Contract No. 38) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Apazheva S.S., Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R. Ethnopolitical stability of Kabardino-Balkaria in the face of modern political challenges. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 502-520. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-502-520. EDN: XSDEUJ.

© Apazheva S.S., Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R., 2025

Введение

Актуальность исследования. Современный этап геополитической трансформации, характеризующийся возрождением логики «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) и переходом к эпохе жесткой полицентричной конкуренции, принципиально меняет роль и значение внутренней социальной консолидации для национальной безопасности. В этих условиях межэтническая стабильность перестает быть исключительно сферой социальной политики, приобретая характер стратегического ресурса государственного суверенитета. Для Российской Федерации, историческое развитие и территориальная целостность которой неразрывно связаны с управлением колоссальным этнокультурным многообразием, задача гармонизации межнациональных отношений выходит на уровень цивилизационного императива.

Данный императив детерминирован комплексом взаимосвязанных внешних и внутренних вызовов. К числу экзогенных факторов относится целенаправленная политика дестабилизации, в рамках которой межнациональные противоречия становятся ключевой мишенью гибридного воздействия. Это проявляется в

продвижении конфликтогенных исторических нарративов, инструментализации тем дискриминации, а также в прямой поддержке экстремистских и сепаратистских движений. Эндогенный контур проблем связан с переносом социально-экономической напряженности, обостряющейся в периоды кризисов, в этническую плоскость, а также с рисками, порождаемыми внутренним поиском новой идентичности в ответ на внешнее давление.

Парадоксальным образом, на фоне общей стабилизации обстановки на Северном Кавказе после 2010-х гг. в академическом и экспертном дискурсе произошло заметное снижение интереса к глубокому анализу региональной этнополитической динамики. Между тем, структурные противоречия социально-экономического, исторического и управленческого характера в республиках региона не только сохраняются, но и формируют постоянный риск инструментальной этнической локальных конфликтов при возникновении новых стрессовых факторов. Этот риск делает критически важным переход от макроуровневых обобщений к детальному изучению механизмов адаптации конкретных, укорененных институциональных моделей к меняющимся условиям.

В качестве фокусного объекта исследования избрана Кабардино-Балкарская Республика (КБР) – полигэтнический регион с уникальной и зрелой моделью управления многообразием, известной как «сбалансированное представительство». Предметом исследования выступает влияние современных политических вызовов (как внешних, так и внутренних) на трансформацию этнополитических установок в ключевой социальной группе – молодежи КБР, чье мировоззрение формируется на стыке традиционных норм, глобальных трендов и актуального государственного дискурса.

Целью работы является выявление и анализ механизмов, посредством которых современные политические вызовы воздействуют на этнополитическую ситуацию в КБР, определяя потенциал ее устойчивости или дестабилизации. Исходная гипотеза состоит в том, что данные вызовы выступают не источником принципиально новых линий раскола, а выполняют функцию катализатора, актуализируя и обостряя уже существующие в обществе латентные противоречия, которые в условиях слабости легитимных публичных институтов могут быть переведены в форму этнической мобилизации.

Постановка проблемы. Исторически Россия прошла через многочисленные периоды перемен и кризисов. Начиная с распада Советского Союза в конце XX в., страна пережила глубокие экономические, политические и социальные трансформации. Эти изменения привели к разрыву традиционных связей и ценностей, что создало условия для появления поколения, которое чувствует себя отчужденным от прошлого опыта и традиций.

Как составная часть России, Северный Кавказ, включая Кабардино-Балкарию, испытывает разнообразное отрицательное воздействие общемировых явлений. В качестве унаследованной проблемы наблюдается ярко выраженная склонность к ослаблению национальной самобытности, культуры и мировоззрения молодежи Кабардино-Балкарии, что особенно заметно в искажении значимых культурных ценностей.

По мнению Апажевой С.С. и Мамсирова Х.Б: «достигнутая к 2010-м гг. общая стабилизация социально-политической и межэтнической ситуации заметно снизила уровень озабоченности в обществе и исследовательского интереса к этнополитической проблематике [Апажева, Мамсиров 2021: 136]. Отметив это обстоятельство, С.Я. Сущий высказал мысль, что «...определенное снижение научного интереса к данному региону, ...можно считать хорошим признаком, учитывая корреляцию между уровнем системной проблемности территории и вниманием к ней экспертного сообщества» [Сущий 2021: 72; Апажева, Мамсиров 2021: 137].

Таким образом, мысль С.Я. Сущего является не просто эмпирическим наблюдением, а научно обоснованной исследовательской программой, вытекающей из современных теорий социальных конфликтов, институтов и модернизации.

Методологические основы исследования. Анализ точки зрения С.Я. Сущего может быть логически и научно обоснован с использованием нескольких ключевых теоретических подходов в социальных науках.

1. Теория модернизации и конфликта трансформации:

– Резкий переход от советской плановой экономики и авторитарной политической системы к рыночным отношениям и новой государственности в 1990-е годы создал ситуацию системной дезинтеграции. Согласно теориям Карла Дойча или Самуэля Хантингтона, такие периоды быстрых социальных изменений ведут к кризису идентичности, усилию конкуренции за ограниченные ресурсы и, как следствие, к мобилизации по примордиальным признакам (этничность, религия). Именно это и объясняет всплеск этнополитической напряженности в 1990-е – 2000-е гг. на Северном Кавказе.

– Стабилизация 2010-х гг. может интерпретироваться как завершение наиболее острой фазы структурной трансформации. Государству и обществам удалось создать новые, пусть и несовершенные, институциональные рамки (политические, экономические), которые снизили неопределенность и остроту конкуренции, тем самым «деприватизировав» политику. Это и привело к снижению прямой этнической мобилизации.

2. Конструктивистский подход к этничности и теории инструментализма:

– Этничность не является изначальной и неизменной сущностью, а выступает как социальный и политический ресурс (Фредерик Барт, Пол Брасс). Она актуализируется и становится главным маркером различий только тогда, когда элиты или группы видят в этом инструмент для достижения целей – мобилизации поддержки, получения ресурсов, доступа к власти.

Когда в 2010-е гг. центральная власть резко ограничила пространство для открытой этнополитической конкуренции (жесткая вертикаль власти, подавление сепаратизма), инструментальная ценность открытой этнической риторики снизилась. Элиты перешли к другим формам конкуренции (клановой, административной, экономической). Поэтому «этническое» отошло на второй план. Однако сам ресурс никуда не делся, что и создает риск инструментализации этничности в будущем для легитимации любых конфликтов, возникающих на иной почве.

3. Теория конфликта и концепция «трансформации конфликта»:

Конфликты не исчезают, а меняют свою форму (Йохан Галтунг). Открытое насилие (прямой конфликт) может переходить в латентную стадию (структурное насилие), когда неравенство и несправедливость встроены в социальные и экономические структуры.

С.Я. Сущий фиксирует именно трансформацию конфликта. Этнополитический конфликт в его вооруженной и идеологически оформленной форме угас. Но он трансформировался в набор структурных проблем (безработица, неравенство, слабые институты), которые сохраняют высокий конфликтный потенциал. Эти проблемы представляют собой «тлеющие ули», способные разжечь новое пламя при определенных условиях.

4. Институциональный подход и теория управления рисками:

Стабильность общества обеспечивается не отсутствием противоречий, а наличием эффективных институтов (формальных и неформальных), которые способны эти противоречия канализировать, смягчать и разрешать. Вывод С.Я. Сущего – это прямой призыв к институциональному анализу.

Исходя из сказанного, следует отметить, что это не сигнал к сворачиванию исследований, а призыв к смене оптики. Снижение остроты прямой этнополитической конфронтации – это возможность для более глубокого, «спокойного» изучения фундаментальных основ стабильности и латентных рисков в регионе. Акцент смещается с анализа «горячих» конфликтов на анализ социальных, экономических и институциональных условий, которые предотвращают их этнизацию или, наоборот, делают её возможной.

Исследование опирается на междисциплинарный синтез научных подходов. Ключевым принципом является отказ от «кавказской генерализации» в пользу дифференцированной диагностики, учитывающей уникальность исторического пути и социальной организации КБР.

Теоретический анализ строится на концепции «социокультурного субъекта» и дихотомии моделей этнической субъектности.

Эмпирическую базу составляет репрезентативный социологический опрос молодежи КБР ($N > 500$, 2023, 2025 гг.), дополненный контент-анализом медиадискурса и экспертных оценок.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении КБР как микромодели общероссийского вызова по гармонизации единства и многообразия. Через призму установок молодежи исследуется, как макрополитические тренды преломляются в конкретной институциональной среде, порождая состояние структурной амбивалентности сознания, и формулируются критерии эффективности адаптации системы управления к новым условиям.

Современные политические вызовы (внутренние, внешние, социокультурные) не порождают принципиально новых конфликтов в Кабардино-Балкарии, но выступают в роли «катализатора» и «усилителя». Они актуализируют и обостряют уже существующие, но часто латентные противоречия, укорененные в уникальной институциональной, исторической и социальной структуре республики. Поэтому для понимания и прогнозирования ситуации необходим отказ от общих рецептов в пользу глубокой дифференцированной диагностики, учитывающей специфику КБР как особого «социокультурного субъекта».

Современная специфика этнополитического развития Кабардино-Балкарии

Говоря о современной специфике этнополитического развития Северного Кавказа, необходимо отметить, что национальное самоопределение, ранее осуществлявшееся в рамках советской автономии, ассоциируется с государственным статусом самоопределяющегося этноса. Отсюда вырисовываются два варианта понимания государственно-политического статуса северокавказских народов. Соответствующим образом обстоит дело и с этнической субъектностью, которая реализуется в двух аспектах. Первый вариант, когда политическое самоопределение этносов осуществляется в рамках уже существующего национально-государственного образования и заключается в закреплении за ними статуса государствообразующих субъектов. В данном варианте правящая элита национальных республик заинтересована в этнополитической стабильности. Это та модель, когда при наличии подобного статуса, предполагается и гарантируется определенное участие каждой из этнических общин в формировании республиканских органов власти, как необходимое условие для поддержания стабильности республиканской политической системы, как фактор регулирования межэтнических взаимоотношений, поскольку от кадровой политики в регионе зависит реальное усиление или ослабление социально-экономического, политического и культурного положения этноса.

Второй вариант, когда этнополитическое самоопределение и реализация этнической субъектности связаны с идеей совмещения этнического и государственного суверенитетов. Данный вариант исходит от национальных движений региона, выступающих под лозунгом построения моноэтнической государственности. Еще в 90-х гг. XX в. идеи этногосударственного обособления стали приобретать значительную популярность у некоторых народов региона, что, в свою очередь, привело к определенным изменениям в их массовом сознании [Тхагапсоев, Черноус 2013].

Некоторые исследователи, в частности (Сущий, Боров и др.) указывают на то, что основная линия межэтнической напряженности в двух-субъектных республиках Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии постсоветского периода – конфликтное взаимодействие двух титульных народов, оспаривающих позиции в системе административного управления и в различных престижных социальных иерархиях; прибыльные сферы экономической деятельности, земельные ресурсы.

По мнению А.Х. Борова и А.А. Тумова: «Вопрос землевладения и землепользования (или земельный вопрос) исторически, как правило, перерастал в Кабардино-Балкарии в вопрос территориальный – о разграничении Кабарды и Балкарии. В начале 1990-х г. вновь обострились земельные и территориальные проблемы, когда дискуссии развернулась вокруг вопроса о «территориальной реабилитации» репрессированного балкарского народа, который нес преимущественно национально-территориальную (политическую) нагрузку. В 2005-2015 г. вокруг проблемы статуса и границ муниципальных образований сплетались хозяйствственно-экономические интересы сельского населения (земельный вопрос) и этнополитические притязания активистов национального движения (территориальный вопрос» [Боров, Тумов 2015: 77].

Однако, как отмечает Х.Х. Тхагапсоев «...даже на своем пике, межэтническая напряженность в республике не вышла за рамки деклараций. Взвешенная политика республиканской власти, которая использовала все возможные средства, позволила купировать межнациональные противоречия» [Тхагапсоев 2007].

Сегодня в Кабардино-Балкарии, где этнополитическая обстановка весьма сложна, партикуляристские настроения получили новое развитие, хотя и проявляются своеобразно. Это обусловлено тем, что каждая этническая группа, в зависимости от своего статуса в социально-этнической иерархии, предлагает и активно пытается навязать ту модель государственного устройства, которая ей наиболее выгодна [Смирнов 2011].

Современные политические события значительно влияют на напряженность в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. Внешнее влияние связано с обострением конфликта между Западом и исламским миром, который затрагивает и Россию. Мусульманские регионы России испытывают сильное культурное и духовное притяжение к исламскому миру. Это приводит к усилению культурной, социальной и информационной обособленности народов Северного Кавказа.

Молодежь Кабардино-Балкарии социализируется в условиях ценностного плюрализма и нормативной конкуренции, где ослабление монополии традиционных институтов сочетается с ростом влияния религиозных и глобальных медийных повесток. Социально-экономические ограничения (безработица, непрозрачность лифтов) повышают уязвимость молодежи и делают политизированные формы этнической и религиозной идентичности привлекательными ресурсами для солидарности и протеста. Это превращает молодежную среду в ключевое поле, где латентные этнополитические противоречия либо воспроизводятся в новых формах, либо находят пути трансценденции (преодоления) через гражданские или наднациональные (религиозные) идентичности. Процесс конструирования идентичности молодежью – это ключевой механизм, через который латентные противоречия могут либо находить мирные формы выражения, либо становиться линией раскола [Апажева, Мамсиров 2017: 109; Апажева, Мамсиров 2021: 137].

В современной ситуации нельзя не учитывать и роль внешнеполитических факторов. Последние события в Закавказье указывают на стандартный сценарий Запада по перекройке этого региона.

Таким образом, молодежь – это активный агент, чей поиск идентичности и социального места становится решающим фактором для будущей стабильности или дестабилизации сложной системы этнополитического паритета в КБР.

Интерпретация и выводы из результатов социологических исследований

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, послужат валидным инструментом для верификации предложенной теоретической модели. Результаты позволяют дать оценку характера этнополитической динамики в Кабардино-Балкарии: подтверждается ли её устойчивость в рамках действующего дизайна «сбалансированного представительства» или же выявляются признаки нарастания латентных противоречий, сигнализирующих об исчерпании институционального ресурса текущей системы и необходимости её адаптации.

Анализ эмпирических результатов предоставит фактологическую основу для прогностической оценки. Она будет заключаться в определении траектории развития этнополитической системы КБР – сохранение стабильности в рамках существующего институционального дизайна либо его постепенная трансформация вследствие нарастания внутренних противоречий.

В опросе приняли участие более 500 респондентов в возрасте от 16-35 лет, городская и сельская молодежь Кабардино-Балкарской Республики.

Данный репрезентативный эмпирический срез фиксирует ключевые позиции целевой социально-демографической группы. Объем выборки ($N > 500$) и учет поселенческой структуры (город/село) обеспечивают необходимую надежность данных для анализа поколенческих и средовых различий в формировании идентичностей, ценностных ориентаций и восприятия этнополитической ситуации молодежью Кабардино-Балкарии.

Общественное сознание молодежи Кабардино-Балкарии характеризуется двойственностью и структурной напряженностью. С одной стороны, фиксируется прочный фундамент бытовой толерантности и мирного сосуществования. С другой – выявляются четкие линии социального размежевания и источники потенциальной мобилизации, которые при определенных условиях могут быть инструментализованы, в том числе и в этническом ключе.

Это напрямую подтверждает тезис о том, что современные вызовы (информационные, социальные, идеологические) не создают новых расколов «с нуля», но обостряют и придают новую форму уже существующим в обществе противоречиям.

Детальный анализ в рамках исследовательской программы:

1. Подтверждение общей стабилизации и «нормальности» бытового уровня. Подавляющее большинство (63,6 %) не участвовало в межнациональных конфликтах, а свыше 70 % испытывает к представителям иных национальностей уважение и интерес [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это прямое свидетельство успеха модели сбалансированного представительства и государственной политики в деле деэтничизации повседневной жизни. Этничность перестала быть главным маркером повседневного конфликта для большинства. Межнациональные отношения не воспринимаются как острая, актуальная проблема на личном уровне.

2. Выявление латентных противоречий и «горючего материала» (Подтверждение гипотезы-катализатора). При общей позитивной картине выявляются значимые меньшинства: 15,5 % сталкивались с конфликтами, 6,2 % открыто признают национальную неприязнь, 12 % ассоциируют с «другими» негативные эмоции [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. При этом главными объектами неприязни становятся не этнические группы, а социально-идеологические: националисты, ЛГБТ, нелегальные мигранты, маргиналы.

Здесь работает механизм трансформации и смещения конфликта. Социальная фрустрация, ценностные разломы и идеологическая поляризация (консерватизм–либерализм, религиозность–секуляризм) становятся основными линиями раскола. Эти новые линии, однако, могут быть легко спроектированы на старую, хорошо структурированную этническую матрицу. Например, конфликт с

«нелегальными мигрантами» или споры вокруг традиционных ценностей могут быть быстро переведены в межнациональную плоскость заинтересованными акторами.

3. Кризис институционального доверия и роль неформальных сетей (Ответ на вопрос о каналах выражения). Кризис доверия к формальным институтам социализации: образование (11,6 %) и традиционные СМИ (21,7 %) проигрывают доверию к ближайшему окружению (38,8 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

Это ключевой вывод для понимания механизма катализации. Когда официальные институты (школа, вуз, государственные СМИ) теряют монополию на формирование картины мира, их место занимают неформальные каналы: семья, друзья, интернет-сообщества, религиозные авторитеты. В этих «эхо-камерах» латентные предубеждения и страхи могут не смягчаться, а, наоборот, усиливаться и радикализироваться. Высокий процент «затрудняющихся ответить» (20,9 %, 19,4 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025] может указывать как на внутренний ценностный конфликт, так и на недоверие к самой процедуре опроса как к «официальному» институту.

4. Ресурс для солидарности и риски мобилизации. Доминирование пассивных форм выражения неприязни (игнорирование – 29,6 %) при наличии активного меньшинства, готового к словесной или общественной борьбе (18,3 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Молодежь в основном предпочитает стратегию избегания, что поддерживает бытовой мир. Однако наличие мобилизируемого ядра (около 1/5) создает риск. В условиях социально-экономического кризиса или политической нестабильности это ядро может стать авангардом протестной или экстремистской мобилизации, а пассивное большинство может его поддержать или не оказать сопротивления.

Эмпирические данные подтверждают, что Кабардино-Балкарья остается устойчивым социокультурным субъектом на бытовом уровне, где модель межэтнического паритета работает как стабилизатор. Однако институциональный дизайн этой модели демонстрирует признаки кризиса: формальные институты (образование, СМИ) теряют авторитет, уступая неформальным сетям.

Таким образом, главный вызов заключается не в прямом межнациональном конфликте, а в том, что новые социально-идеологические расколы, подпитываемые через неформальные каналы коммуникации, создают потенциал для инструментальной этнизации будущих кризисов. Задача управления состоит не только в прямом контроле над этническими отношениями, сколько в восстановлении доверия к публичным институтам и создании легальных каналов для выражения и разрешения социальных и ценностных противоречий, не позволяя им «уходить» в этническую плоскость.

На вопрос о том, «На какие действия вы готовы для защиты своих интересов?», результаты показывают неоднородную, но в целом высокую готовность к активным действиям, что требует тонкой интерпретации в контексте ранее выявленных установок.

Молодежь КБР демонстрирует радикально-протестный потенциал, лишенный четких институциональных ориентиров. Высокая готовность к уличным акциям и силовым действиям сочетается с низким доверием к судебным и

административным процедурам, а также с высокой долей неопределенности. Это создает рискованную смесь, где энергия недовольства может выплыть в неинституциональные формы.

Детальный анализ в рамках исследовательских вопросов и гипотезы:

1. Внутренний политический вызов: кризис легитимности формальных институтов. Готовность подать в суд (21,6 %) и написать жалобу (18,7 %) находятся на одном из последних мест, существенно уступая готовности к протестам (32,4 %) и «решительным действиям» (21,6 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это прямое свидетельство глубокого кризиса доверия к правовым и бюрократическим механизмам как эффективным инструментам защиты интересов. Молодежь не видит в судах и жалобах реальный способ решить проблему. Это подрывает стабильность любой политической системы, включая модель этнополитического паритета, которая держится на формальных правилах и договоренностях.

2. Социокультурный вызов: цифровая солидарность и уличная мобилизация. Ведущие стратегии – это виртуальное отстаивание мнения в соцсетях (32,9 %) и готовность к участию в массовых уличных акциях (32,4 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Эти цифры практически идентичны и формируют двойной канал мобилизации: онлайн и офлайн. Соцсети выступают как пространство для консолидации группового недовольства, формирования нарративов и «накрутки» протестных настроений. Это коррелирует с высоким доверием к неформальному окружению (данные предыдущего вопроса). Готовность к митингам показывает, что виртуальная солидарность может быстро трансформироваться в реальное коллективное действие. Это делает молодежь серьезным политическим актором, способным создавать ситуации управленческого кризиса.

Гипотеза о катализаторе: от латентного недовольства к актуальному протесту. Крайне высокий процент затруднившихся ответить (31,5 %) и ничтожно малая доля тех, у кого «нет интересов для защиты» (2,6 %) [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это важнейший индикатор, неопределенность («затрудняюсь») – это не отсутствие готовности, а отсутствие сценария. Молодежь чувствует потребность защищать интересы (97,4 % опрошенных), но не знает, как это эффективно сделать в рамках системы [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. В момент возникновения конкретного триггера (несправедливое увольнение, земельный спор, этнический инцидент) эта неопределенная энергия может быть канализирована наиболее активным ядром (теми 32-21 %) в конкретные действия – будь то пост в соцсетях, выход на площадь или силовая конfrontация [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

4. Риск этнической протеста. Готовность к «самым решительным действиям» (21,6 %) создает прямую угрозу [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. В условиях, когда основные линии раскола – социально-идеологические (как показал предыдущий вопрос), но каналы легитимной защиты слабы, любой острый локальный конфликт (из-за земли, назначения на должность) может быть интерпретирован через призму этнической несправедливости. В этом случае протестная энергия и силовой потенциал могут быть направлены не против абстрактной «системы», а против конкретной этнической группы, воспринимаемой как виновник или привилегированный актор в рамках системы паритета.

Получается последовательная логическая цепь, подтверждающая гипотезу исследования:

1. Бытовой уровень стабилен (низкая личная вовлеченность в конфликты, преобладание позитивных эмоций).
2. Однако институциональный уровень переживает кризис: нет доверия к образовательным учреждениям, СМИ, судам.
3. В результате латентное недовольство (социальное, экономическое, ценностное) не находит легальных выходов.
4. Это формирует высокий протестный потенциал, ориентированный на не институциональные (сети, улицы) и даже силовые действия.

Любой значимый внутренний или внешний вызов (проблема преемственности власти, обострение земельного вопроса, новый виток борьбы с «нежелательными» идеологиями) будет действовать как катализатор, переводя этот потенциал из латентного в актуальное состояние. А учитывая исторический и институциональный контекст КБР, существует высокая вероятность, что этот протест приобретет этническую или конфессиональную окраску, поставив под удар всю модель сбалансированного представительства.

Таким образом, данные о готовности к действиям являются ключевым индикатором риска, показывающим, что под поверхностью бытового спокойствия в молодежной среде накоплена значительная энергия, требующая срочного создания легитимных каналов для ее реализации.

Результаты показывают неоднородную, но в целом высокую готовность к активным действиям, что требует тонкой интерпретации в контексте ранее выявленных установок. Молодежь КБР демонстрирует радикально-протестный потенциал, лишенный четких институциональных ориентиров. Высокая готовность к уличным акциям и силовым действиям сочетается с низким доверием к судебным и административным процедурам, а также с высокой долей неопределенности. Это создает рискогенную смесь, где энергия недовольства может выплеснуться в неинституциональные формы.

Таким образом, данные о готовности к действиям являются ключевым индикатором риска, показывающим, что под поверхностью бытового спокойствия в молодежной среде накоплена значительная энергия, требующая срочного создания легитимных каналов для ее реализации.

Вопрос «Имеет ли для Вас значение этническая принадлежность других?», является ключевым во всем исследовании. Он напрямую верифицирует теоретическую рамку и служит критически важным связующим звеном между выявленной бытовой толерантностью и высоким протестным потенциалом. Результат наглядно демонстрирует, что в Кабардино-Балкарии этничность сохраняет статус фундаментальной социальной категории, структурирующей восприятие мира большинством молодежи. Это не означает бытовой вражды, но подтверждает, что модель «сбалансированного представительства» глубоко укоренена в общественном сознании не только как политический институт, но и как когнитивная схема.

Этот показатель нельзя интерпретировать изолированно. Его смысл раскрывается в сопоставлении с предыдущими ответами, образуя целостную картину управляемой этничности.

1. Этничность как «спящий» маркер, активируемый в условиях конфликта (Подтверждение гипотезы-катализатора). С одной стороны, 62 % заявляют, что этничность имеет значение. С другой – лишь 15,5 % лично участвовали в конфликтах на этой почве, а 74 % не испытывают неприязни к другим национальностям [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Это означает, что для подавляющего большинства этничность не является источником повседневной агрессии, но остается главным критерием групповой идентификации и социальной навигации. В спокойной ситуации она проявляется как интерес, уважение, осознание различий. Однако в ситуации стресса, конкуренции за ресурсы или несправедливости (когда включается готовность к «решительным действиям» – 21,6 %) этот мощный идентификационный маркер мгновенно актуализируется, переводя любой конфликт из плоскости «индивиду «против» индивид» или «гражданин «против» власть» в плоскость «наша группа «против» их группа».

2. Прямая связь с моделью «сбалансированного представительства». Высокий процент значимости этничности (62,1 %) – это социальная база и легитимизация существующего политического порядка в КБР [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Молодежь, признающая важность этнической принадлежности, скорее всего, воспринимает систему квот, паритета в элитах и прочие элементы этой модели как естественные и справедливые. Однако здесь же кроется и главная уязвимость, любое воспринимаемое нарушение этого паритета (например, в кадровых назначениях, распределении ресурсов, в трактовке истории) будет расценено этой значительной частью общества не как административная ошибка, а как угроза базовым принципам справедливости. Это создает мгновенную мобилизационную готовность, что коррелирует с данными о высокой доле готовых к протестным и силовым действиям.

3. «Тихая» лояльность «против» «активная» нетерпимость: анализ меньшинств. Группа 34,3 % («не имеет значения»): это потенциальный ресурс для формирования наднациональной, гражданской идентичности [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Часто это более урбанизированная, образованная молодежь, ориентированная на профессиональные, а не этнические лифты. Их ценности могут вступать в противоречие с логикой этнополитического паритета. Группа ~6-12 % (открытая неприязнь/негативные эмоции): это та самая часть из 62 %, для которых значение этничности носит не просто идентификационный, а иерархический или негативно-оценочный характер [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Они составляют ядро потенциальной этноконфликтной мобилизации.

Полученный ответ недвусмысленно указывает на приоритетную значимость этнической парадигмы в сознании молодежи КБР. Это означает, что:

1. Латентные противоречия (социальные, экономические, политические) с высокой вероятностью будут интерпретироваться и формулироваться в этнических категориях, так как это доминирующий язык общественного сознания.

2. Модель сбалансированного представительства имеет прочную социальную легитимность «снизу». Ее кризис или трансформация, если они произойдут, будут крайне болезненными и чреватыми мобилизацией именно по этническому признаку.

3. Ресурс гражданской солидарности (34,3 %) существует, но он в меньшинстве и, судя по данным о доверии к институтам, не имеет сильных официальных каналов для продвижения своей повестки [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025].

Таким образом, гипотеза подтверждается на фундаментальном уровне: современные вызовы (будь то борьба элит, экономический кризис или идеологическое давление) будут катализироваться и усиливаться именно благодаря этой глубокой укорененности этнической градации. Политическая стабильность в КБР зависит не от искоренения этого фактора (что невозможно), а от беспристрастности и предсказуемости работы самой системы паритета, чтобы в глазах 62 % молодежи она продолжала восприниматься как единственно возможный и справедливый способ управления полигэтничным обществом.

Данные о значимых исторических событиях и роли исторической памяти являются, возможно, наиболее красноречивым подтверждением нашей центральной гипотезы и теоретической рамки. Они раскрывают глубинную основу латентных противоречий и объясняют, почему этническая принадлежность остается ключевым маркером для 62,1 % молодежи.

Историческая память в Кабардино-Балкарии глубоко этнанизирована и носит травматический, разделяющий характер. Отсутствие единого для всех нарратива и акцент на коллективных травмах (Кавказская война/махаджирство для кабардинцев, депортация для балкарцев) формируют параллельные, а не общие, линии этнической солидарности. Это создает структурную предпосылку для восприятия политики через призму защиты групповых интересов и исторической справедливости.

Детальный анализ и связь с теоретическими положениями:

1. Подтверждение модели «сбалансированного представительства» как системы управления различиями, а не их преодоления. Отсутствие единого значимого события для всех групп. Это прямое отражение того, что КБР является не единым политическим сообществом с общей историей, а политическим союзом двух четко очерченных социокультурных субъектов, каждый из которых сохраняет свою отдельную, травмирующую память. Система паритета институционализирует это разделение, управляя им, но не стремится его растворить. Это объясняет, почему гражданская идентичность остается слабее этнической.

2. Историческая память как ресурс эмоциональной мобилизации и источник латентных противоречий. Для подавляющего большинства (около 60 %) историческая память – это основа преемственности (30,6 %) и источник позитивных, возвышающих чувств (29,8 %). Лишь 14,9 % видят в ней «урок и предостережение» [Апажева, Нальчикова, Захохова 2025]. Память здесь функционирует не как рефлексивный инструмент для извлечения уроков, а как аффективный ресурс групповой сплоченности и гордости. Травматические события прошлого (изгнание, депортация) сакрализуются, становясь краеугольным камнем идентичности. Это делает этническую солидарность крайне эмоционально заряженной. В ситуации реального или мнимого ущемления эта эмоциональная энергия может быть мгновенно мобилизована, переводя любой современный спор в плоскость исторического реванша или восстановления справедливости. Это идеальный «горючий материал» для катализатора.

3. Прямая связь с политическими вызовами и риском этнизации конфликта. Разные доминирующие травмы у двух титульных групп. Это означает, что язык и символы, мобилизующие одну группу, могут быть безразличны или даже враждебны другой.

Для кабардинской молодежи чувствительной темой будет всё, что связано с территорией, родиной, изгнанием (например, земельные вопросы, статус соотечественников за рубежом).

Для балкарской молодежи сверхчувствительной темой будет всё, что связано с государственным насилием, несправедливостью, реабилитацией (например, действия силовых структур, вопросы восстановления прав, доступ к власти).

Любой внутренний политический вызов (например, спор о границах районов или назначение силовика) может быть прочтен одной из сторон через призму своей исторической травмы и вызвать немедленную эмоциональную реакцию. Это делает управление республикой крайне сложной задачей, требующей постоянного балансирования.

4. Слабость интеграционного нарратива. Лишь 15,9 % верят, что историческая память вселяет уверенность в сохранении межнационального мира. Общий советский и российский нарратив Победы в ВОВ, судя по ответам, не является объединяющим в той же степени, что и этнические травмы.

Это указывает на дефицит общих смыслов, которые могли бы подняться над этническими различиями. Отсутствие такого «наднационального клея» повышает риски фрагментации в момент кризиса.

Полученные данные позволяют сделать фундаментальный вывод: «латентные противоречия» в КБР имеют не только социально-экономическую, но и глубокую историко-мифологическую основу. Современные политические вызовы действуют как катализатор именно потому, что попадают на эту подготовленную, эмоционально заряженную почву.

Таким образом, этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии держится не на общей исторической судьбе или ценностях, а на хрупком институциональном дизайне (паритете), который вынужден постоянно балансировать между двумя мощными, автономными и травмированными историческими памятью. Устойчивость этой системы зависит от ее способности нейтрально арбитрировать споры, не допуская, чтобы они интерпретировались группами как повторение исторической травмы. В противном случае, арсенал протестных и силовых действий, о готовности к которому заявила молодежь, будет использован для защиты не абстрактных «интересов», а самой основы коллективной идентичности, что чревато выходом конфликта на качественно иной, трудноразрешимый уровень.

Проанализированные С.С. Апажевой и Х.Б. Мамсировым данные, касающиеся исторической памяти о Канжальской битве [Апажева, Мамсиров 2021: 142–143], служат релевантным эмпирическим подтверждением центральной гипотезы данного исследования. Указанные материалы наглядно иллюстрируют не только взаимосвязь исторических нарративов с современными процессами, но и конкретный механизм инструментализации коллективной памяти в целях актуальной политической конкуренции, что согласуется с выводами, полученными в

ходе нашей работы. Канжальский сюжет служит идеальным примером того, как современные латентные противоречия (в первую очередь, земельные и статусные) не просто «катализируются», а активно перекодируются в исторический дискурс, создавая новый язык для легитимации групповых претензий. Это процесс инверсии: не история формирует конфликт, а конфликт формирует нужную ему историю.

1. Подтверждение тезиса об отсутствии общей публичной сферы и кризисе институтов. Оценка экспертов о необходимости «свободной политической системы» и наше наблюдение об отсутствии открытой публичной сферы для рационального обсуждения проблем.

Это центральная причина инверсии. Поскольку легитимные каналы для выражения и разрешения актуальных земельных, территориальных и статусных споров заблокированы или неэффективны, фрустрация ищет другие выходы. Таким выходом становится символическая политика – борьба за исторические нарративы, памятники, топонимы. Война памяти вокруг Канжала – это суррогат политического диалога, замещающая реальное обсуждение распределения ресурсов и власти между кабардинским и балкарским сообществами.

2. Механизм «катализации» в действии: от земли к истории и обратно. 44,3 % признают важность битвы для всех трех народов, 31,3 % – отрицают, 18,2 % имеют «собственное мнение», часто заимствованное из дискурса общественных организаций [Апажева, Мамсиров 2021: 142-143].

Эта расколотость мнений зеркально отражает не историческую дискуссию, а современную политическую конфронтацию. Сторонники общей значимости (44,3 %) [Апажева, Мамсиров 2021: 142-143], скорее всего, видят в этом событии либо: а) символ общей героической борьбы народов Кавказа (попытка создать интегрирующий миф), либо (что более вероятно в контексте споров) б) способ легитимировать исторические права кабардинцев на определенные территории, вовлекая в этот нарратив балкарцев и осетин как союзников.

Противники (31,3 %) [Апажева, Мамсиров 2021: 142-143] воспринимают эту трактовку как историческую экспансию, попытку доминирующей группы навязать свой нарратив и, через него, свои претензии. Отрицание – это форма сопротивления в символическом поле. «Собственное мнение» (18,2 %) [Апажева, Мамсиров 2021: 142-143] – ключевой показатель. Заимствование формулировок общественных организаций доказывает, что дискуссия уже идеологизирована и политически структурирована. Молодежь не обращается к архивам, а выбирает готовые идеологические пакеты, предлагаемые ангажированными акторами.

3. Прямая проекция на модель этнической субъектности. Канжальская битва становится полем битвы между двумя моделями:

3.1 Модель «сбалансированного представительства» в ее идеализированном виде пытается интерпретировать Канжал как общее достояние, укрепляющее союз народов КБР.

3.2 Модель «септической»/обособления использует тот же сюжет для подчеркивания исторической автономии и суверенитета кабардинского народа, а балкарское и осетинское сообщества могут видеть в этом попытку исторической маргинализации их роли.

Таким образом, спор о далеком прошлом становится кодом для переговоров о современном статусе и границах внутри республики.

4. Интеграция в общую картину исследования.

Полученные данные образуют логическую цепь с предыдущими выводами:

4.1. Этничность – главный маркер (62 %).

4.2. Историческая память – этнанизирована и травматична (разные события для кабардинцев и балкарцев).

4.3. Готовность к действиям высока, а доверие к институтам низко.

4.4. Актуальные проблемы (земля, власть) не имеют легальных каналов решения.

4.5. Результат. Накопленная энергия фрустрации перенаправляется в символическое пространство истории. Конфликт из-за земли превращается в конфликт из-за памятника битве 300-летней давности. Это классическая форма катализации, когда реальное противоречие, не находя выхода, муттирует и проявляется в иной, часто более иррациональной и эмоционально заряженной сфере.

Напрашивается вывод, что Канжальский кейс доказывает, что в Кабардино-Балкарии «историческая политика» давно перестала быть академической дисциплиной и превратилась в прямое продолжение современной этнополитики инструментальными средствами. Это свидетельствует о глубоком системном кризисе политического диалога. Пока не будут созданы механизмы для открытого, рационального и справедливого разрешения земельных, экономических и статусных споров, общество будет продолжать воспроизводить конфликты в символической и исторической плоскости, что лишь будет консервировать и усиливать латентные противоречия, рано или поздно приводя их к точке кипения в реальном, а не историческом, пространстве.

В Кабардино-Балкарии современная этнополитическая система функционирует в условиях напряженного диалектического взаимодействия двух различных исторических травм, которые, будучи укоренены в коллективной памяти титульных народов, формируют разнонаправленные и зачастую конкурирующие векторы политических устремлений, определяя логику как внутриреспубликанского диалога, так и потенциальных конфликтов.

Таким образом, этнополитический процесс в КБР представляет собой не просто управление текущими интересами, а глубинное согласование двух различных «историй страдания» и вытекающих из них проектов будущего. Стабильность республики зависит от способности системы обеспечивать признание и символическую презентацию обеих травм, не позволяя одной из них доминировать в ущерб другой, и находить механизмы перевода исторических претензий в плоскость практического сотрудничества и взаимного признания прав.

Наше исследование эмпирически доказывает, что в Кабардино-Балкарии создана практически полная «предмобилизационная» конструкция:

1. Прочный фундамент в виде значимого этнического самосознания у большинства (62,1 %).

2. Горючий материал в виде латентных социальных, экономических и политических противоречий, не имеющих легальных каналов решения.

3. Детонатор в виде разделяющей, травматичной исторической памяти, которую можно использовать для быстрой сборки группы.

4. Готовый к действию авангард в виде значительной части молодежи, декларирующей готовность к протестным и силовым действиям.

Гипотеза о катализации получает полное подтверждение. Любой серьезный внутренний или внешний вызов (от земельного спора до федеральной реформы) в таких условиях с высокой вероятностью будет интерпретирован через этническую призму и приведет не к гражданской, а именно к этногрупповой мобилизации для «защиты интересов».

Это означает, что ключевой задачей для обеспечения стабильности является нейтрализация «определенных условий» – создание работающих институтов, формирование публичной сферы для диалога и справедливое разрешение накопленных проблем. Без этого система этнополитического паритета, опирающаяся на мобилизованное этническое самосознание, рискует превратиться из инструмента стабильности в механизм периодических кризисов.

Амбивалентность как системная характеристика

Результаты исследования рисуют картину структурной амбивалентности этнополитической ситуации в молодежной среде КБР. Это состояние характеризуется не отсутствием четких тенденций, а одновременным существованием противоположных, но взаимообусловленных векторов:

1. Вектор толерантности и стабильности (бытовая неконфликтность, преобладание позитивных эмоций, ориентация на мирное сосуществование).

2. Вектор потенциала мобилизации и конфликта (высокая значимость этническости, готовность к радикальным действиям, травматичная и разделяющая историческая память, кризис институтов).

Управление этой амбивалентностью и составляет суть вызова для модели «сбалансированного представительства».

Ключевые подтвержденные гипотезы и выявленные механизмы:

1. Гипотеза о катализации подтверждена. Исследование выявило не новые линии раскола, а механизм перевода социально-экономической и политической фрустрации в этническую плоскость. «Застарелые неразрешенные проблемы» (земельные, статусные, исторические) выступают катализатором, а актуальные вызовы (экономический кризис) – триггером.

2. Подтверждена роль манипулятивных практик. Осознание молодежью того, что напряженность эскалируется политическими силами, эксплуатирующими различия, указывает на рефлексивность целевой группы. Однако это не отменяет эффективности таких практик, особенно на стадии «моральной легитимизации насилия», когда защита «своих» интересов начинает восприниматься как справедливая.

3. Оспорен тезис о пассивности. Данные опроса, в отличие от экспертных оценок, показывают скрытую, но активную позицию молодежи – не в форме открытого протesta, а в форме четких предпочтений, готовности к действиям и критического восприятия манипуляторов. Пассивность является стратегией избегания в стабильных условиях, а не сущностной характеристикой.

Заключение

Кабардино-Балкарья не находится на пороге неизбежного межнационального конфликта, но пребывает в состоянии устойчивой нестабильности. Ее стабильность является не статичным достижением, а динамическим равновесием, требующим постоянной институциональной работы по канализации фruстрации, легитимации диалога и справедливому разрешению конкретных проблем. Молодежь, как показало исследование, не является ни «пассивной массой», ни «готовым радикальным резервом». Она представляет собой рефлексирующее сообщество с высоким потенциалом солидарности, который может быть направлен как на укрепление гражданского мира, так и на этническую мобилизацию в зависимости от того, какие институты и нарративы окажутся в момент кризиса более эффективными и убедительными.

Устойчивый мир в Кабардино-Балкарской Республике достижимы только через признание системной природы проблем и реализацию комплексной стратегии, адекватной этой сложности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Апажева, Мамсиров 2021 – *Апажева С.С., Мамсиров Х.Б. Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология».* – 2021. – № 2. – С. 135-153.

Апажева, Мамсиров 2017 – *Апажева С.С., Мамсиров А.Х., Цолоев Т.С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и символы.* – 2017. – № 4 (13). – С. 101–111.

Апажева, Нальчикова, Захохова 2025 – Апажева С.С., Нальчикова Е.А., Захохова М.Р. Аналитический отчет по результатам социологического исследования / под руками. С.С. Апажевой. – Нальчик: КБГУ, 2025. – 51 с.

Боров, Тумов 2015 – *Боров А.Х., Тумов А.А. Основные параметры общественно-политического развития Кабардино-Балкарской Республики: изменения и преемственность // Russian Journal of Education and Psychology.* – 2015. – № 11. – С. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7>

Смирнов 2011 – *Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции.* Дисс. канд. полит. н-к. – Москва, 2000. – 247 с.

Сущий 2021 – *Сущий С.Я. Конфликтогенный потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х годов: факторы и основные тренды // Научная мысль Кавказа.* – 2021. – № 1. – С. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-105-1-72-78>

Тхагапсоев, Черноус 2013 – *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа.* – 2013. – № 4. – С. 3-15.

Тхагапсоев 2007 – *Тхагапсоев Х.Г. Кавказская идентичность в процессах современной российской трансформации // Научная мысль Кавказа.* – 2007. – № 1. – С. 32-40.

REFERENCES

APAZHEVA S.S., MAMSIROV KH.B. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v molodezhnoi srede Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Interethnic Relations in the Youth Environment of the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – № 2. – S. 135-153. (In Russ.).

APAZHEVA S.S., MAMSIROV A.KH., TSOLOEV T.S. *Severnyi Kavkaz: sovremenennaya etnopo-liticheskaya situatsiya i perspektivy ee stabilizatsii* [The North Caucasus: the Current Ethno-political Situation and Prospects for Its Stabilization]. In: Istoryia: fakty i simvoli. – 2017. – № 4 (13). – S. 101–111. (In Russ.).

BOROV A.KH., TUMOV A.A. *Osnovnye parametry obshchestvennopoliticheskogo razvitiya Kabardino-Balkarskoi Respubliki: izmeneniya i preemstvennost'* [The Main Parameters of the Socio-Political Development of the Kabardino-Balkarian Republic: Changes and Continuity]. In: Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 11. – P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-7> (In Russ.).

Sovremennoe sostoyanie mezhnatsional'nykh otnoshenii v molodezhnoi srede KBR 2025 [The Current State of Interethnic Relations in the Youth Environment of the Kabardino-Balkarian Republic]. – Apazheva S.S., Nal'chikova E.A., Zakhokhova M.R. Analiticheskii otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya / pod rukami. S.S. Apazhevoi. – Nal'chik: KBGU, 2025. – 51 p. (In Russ.).

SMIRNOV A.N. *Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: osobennosti i osnovnye tendentsii* [Ethnopolitical Processes in the North Caucasus: Features and Main Trends]. Diss. kand. polit. n-k. – Moskva, 2000. – 247 p. (In Russ.).

SUSHCHII S.YA. *Konfliktogennyi potentsial Severnogo Kavkaza na rubezhe 2020-kh go-dov: faktory i osnovnye trendy* [The Conflictogenic Potential of the North Caucasus at the Turn of the 2020s: Factors and Main Trends]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2021. – № 1. – P. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-105-1-72-78> (In Russ.).

TKHAGAPSOEV KH.G., CHERNOUS V.V. *Reintegratsiya postsovetskoi Rossii: pregrady i puti preodoleniya* [Reintegration of Post-Soviet Russia: Obstacles and Ways to Overcome Them]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2013. – № 4. – P. 3–15. (In Russ.).

TKHAGAPSOEV KH.G. *Kavkazskaya identichnost' v protsessakh sovremennoi rossiiskoi transformatsii* [Caucasian Identity in the Processes of Modern Russian Transformation]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2007. – № 1. – P. 32–40. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Апажева – кандидат философских наук, доцент.

Е.А. Нальчикова – кандидат исторических наук, доцент.

М.Р. Захохова – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

S.S. Apazheva – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor.

E.A. Nalchikova – Candidate of Sciences (History), associate professor.

M.R. Zakhokhova – Candidate of Sciences (Economic), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 14.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.